

Чжао Фэнцы мчался на лошади, наслаждаясь скоростью, но заметил, что походка Бинтао рядом с ним стала странной. Он обернулся и увидел, что лицо Вэнь Сюэчао на спине лошади неестественно покраснело, на лбу выступил холодный пот, а руки отпустили поводья, и он начал отклоняться назад.

— Вэнь Сюэчао! — громко крикнул Чжао Фэнцы.

Не получив ответа, в отчаянии он уперся локтем в спину лошади, воспользовался моментом, когда лошади шли рядом, и, используя силу рук и ног, перепрыгнул в воздух, отпустил поводья Янтая и перескочил на спину Бинтао.

Чжао Фэнцы обхватил рукой отклоняющегося назад Вэнь Сюэчао, схватил поводья Бинтао и развернул лошадь обратно.

Вэнь Сюэчао закрыл глаза, опершись на плечо Чжао Фэнцы, его брови были плотно сдвинуты, а легкий запах алкоголя смешивался с ароматом пряностей его плаща, проникая в ноздри Чжао Фэнцы.

Чжао Фэнцы только теперь понял, что этот человек перед прогулкой на лошади еще и выпил, и на мгновение он остался без слов.

На полпути Вэнь Сюэчао разбудила тряска Бинтао, он начал что-то говорить, но голос был слишком слабым, и Чжао Фэнцы наклонился, чтобы услышать.

— Слишком... трясет, меня тошнит. — слабо произнес Вэнь Сюэчао.

Чжао Фэнцы: «...»

Как только они вернулись к воротам конного поля, Вэнь Сюэчао сполз с лошади и, присев на корточки, начал рвать. Вэнь Лань, который спорил с А Шэнем, кто из их хозяев победит, увидел, как его господин мучается, и бросился проверить его состояние. Слуга также испугался, что с Вэнь Сюэчао что-то случилось, и побледнел.

— С ним все в порядке, он просто перепил. — Чжао Фэнцы взял поводья Янтая и Бинтао и спокойно сказал.

Лошади фыркали, спокойно следуя за Чжао Фэнцы.

Вэнь Лань поблагодарил пятого принца и осторожно помог своему господину сесть в экипаж. Вэнь Сюэчао, едва коснувшись мягкого ложа, развалился, не имея сил даже говорить.

Вэнь Лань уже собирался закрыть занавеску, когда снаружи раздался голос пятого принца:

— Передай своему господину, что после выпивки нельзя садиться на лошадь.

— Господин обычно почти не пьет, но сегодня почему-то выпил столько. — Вэнь Лань взглянул на своего вялого господина и робко сказал пятому принцу.

Вэнь Сюэчао проснулся только в полдень следующего дня. Его голова была пуста, он сидел на кровати, держась за голову, пытаясь вспомнить, что произошло вчера на конном поле. Вэнь Лань, увидев, что господин очнулся, быстро принес умывальные принадлежности от служанки и подошел к кровати, чтобы помочь.

— Господин, вы наконец проснулись! Вчера вечером, вернувшись в резиденцию, вас несколько

раз рвало, и вторая матушка чуть не вызвала врача! — Вэнь Лань, вспоминая вчерашний вечер, все еще был в ужасе. К счастью, господин, казалось, восстановился, и его лицо выглядело намного лучше, чем вчера.

— Когда я вернулся в резиденцию... а пятый принц? — Вэнь Сюэчао смутно помнил, что чуть не вырвал на пятого принца, но из воспоминаний о спине лошади остались лишь обрывки. Кажется, он чуть не упал с лошади, и пятый принц вовремя его поддержал.

Прежде чем Вэнь Лань успел ответить, у павильона Юньжун раздался шум. Фигура в абрикосово-желтых одеждах шагнула во внутренний двор Вэнь Сюэчао, и слуги резиденции Вэнь, вместо того чтобы остановить его, все пали на колени.

Вэнь Сюэчао, увидев вошедшего, сразу же хотел встать с кровати, но Чжао Цимяо остановил его жестом:

— У меня есть личное дело к тебе, попроси всех посторонних удалиться.

Вэнь Лань тихо закрыл дверь, уводя всех слуг из зала. Принц внимательно оглядел комнату, убедившись, что посторонних нет, и тихо заговорил:

— Сюэчао, я хочу попросить тебя об одолжении.

Вэнь Сюэчао налил Чжао Цимяо чаю:

— Разве в этом мире есть что-то, что принц не может решить?

— Ты слышал о женщине-чиновнике Линчжи из Зала Ханьсян?

— О Линчжи я действительно слышал, она — великая красавица. В народе говорят, что до поступления во дворец она была первой красавицей Гуанлина, затмевая всех. — Вэнь Сюэчао моргнул. — Неужели двоюродный брат влюбился в Линчжи и хочет взять ее в резиденцию как наложницу?

В глазах Чжао Цимяо мелькнула мрачная тень, он колебался некоторое время, а затем сказал:

— Вчера вечером она бросилась в колодец во дворе Зала Ханьсян.

— Это я приказал убить ее.

Рука Вэнь Сюэчао, наливавшего чай, слегка дрогнула.

— Вчера вечером мы с седьмым братом выпили, и наложница Аннин отправила Линчжи во дворец искать седьмого брата, но они разминулись. В это время я гулял во дворе, чтобы протрезветь, и слуга привел Линчжи ко мне. В пьяном угаре я потерял контроль и...

— Вчера вечером она плакала и отказывалась, постоянно сопротивлялась. Я был слишком пьян и нанес ей несколько сильных ударов, оставив следы на ее теле. Наложница Аннин и матушка всегда были в плохих отношениях, и я боялся, что она побежит во дворец жаловаться, и Аннин воспользуется этим, чтобы схватить меня за хвост.

— Экипаж, на котором она выехала из дворца, принадлежал Аннин, и я не мог ничего сделать...

— И ты приказал своим людям в Зале Ханьсян тайно убить ее, сделав вид, что она сама

бросилась в колодец? — продолжил Вэнь Сюэчао.

Чжао Цимяо кивнул, закрыв лицо руками, выглядел крайне раскаявшимся.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал? — спросил Вэнь Сюэчао через некоторое время.

Чжао Цимяо, увидев, что Вэнь Сюэчао так быстро согласился, был удивлен, но тут же сказал:

— Сюэчао, у тебя есть личная печать от матушки, и только твой экипаж может свободно проходить через дворцовую охрану без досмотра. Сегодня ты должен войти во дворец, я отправлю своих людей в Зал Ханьсян, и ты тайно вывезешь ее из дворца на своем экипаже, выбросишь на кладбище за городом, чтобы устранить все следы.

— Матушка говорит, что я слишком импульсивен, и теперь она не может открыто вмешаться. Сюэчао, это не должно иметь ко мне никакого отношения, если отец узнает, мне не поздоровится, это последний выход... — Чжао Цимяо выглядел виноватым, и в его глазах появилась мольба.

Вэнь Сюэчао молча опустил глаза, правой рукой непрерывно теребя нефритовую подвеску на поясе, и через некоторое время сказал:

— Раз это воля тетушки, я выполню.

Чжао Цимяо, увидев, что Вэнь Сюэчао согласился, наконец облегченно вздохнул. Он еще раз напомнил Вэнь Сюэчао несколько вещей и поспешил вернуться во дворец.

Вэнь Лань, видя, что принц уже покинул резиденцию, а господин до сих пор не позвал его в комнату, немного забеспокоился. Он тихо постучал в ворота павильона Юньжун и спросил:

— Господин, все в порядке? Нужно ли мне войти и помочь?

Внутри долго не было ответа, и Вэнь Лань уже собирался спросить снова, когда услышал спокойный голос господина из комнаты:

— Лань, приготовь экипаж, я отправляюсь во дворец.

Чуть позже полудня окрестности Зала Ханьсян были тихими, прохладный осенний ветер сметал опавшие листья с дворцовой дороги, цикады прятались в тени деревьев, издавая тихие звуки. Экипаж из резиденции Вэнь въехал через ворота Личжэн и остановился у неприметной каменной стены бокового зала Зала Ханьсян.

Неприметный евнух уже ждал у боковых ворот, увидев экипаж, он поклонился Вэнь Сюэчао внутри и, согнувшись, скрылся во дворе. Через некоторое время двое мужчин в одежде евнухов вынесли из боковых ворот тело женщины.

Лицо Линчжи было покрыто простой тканью, на ней все еще была одежда женщины-чиновника, в которой она отправилась в резиденцию принца. Евнухи подняли тело Линчжи в экипаж Вэнь Сюэчао, под сиденьем был просторный тайник, куда они положили тело, а сверху на сиденье положили толстую шкуру соболя, чтобы никто не заметил подвоха.

Один из евнухов поклонился Вэнь Сюэчао:

— Принц велел передать господину, чтобы он был осторожен в пути и не дал никому узнать об этом.

Сказав это, он вернулся в Зал Ханьсян через боковые ворота, весь процесс прошел тихо, даже птицы на деревьях не потревожились.

Кучер был человеком императрицы Вэнь, и, превратившись в носильщика трупов, он немного испугался, но не мог не восхититься смелостью господина. Когда тело было уложено, господин Вэнь спокойно сел сверху, его лицо оставалось невозмутимым.

Экипаж Вэнь Сюэчао не привлек внимания охраны, и, выехав из дворца, он направился к кладбищу за городом. Добравшись до кладбища, Вэнь Сюэчао без выражения встал с сиденья и, стоя поодаль, наблюдал, как охранники выносили тело Линчжи из экипажа.

Простая ткань, покрывавшая лицо Линчжи, была поднята прохладным ветром, открывая ее когда-то прекрасное лицо. Глаза Линчжи были широко открыты, и на ее лице застыло выражение глубокого нежелания умирать.

<http://bllate.org/book/16846/1550005>